

единению членов общества во времени и пространстве, регуляции всех видов отношений в коллективе, основанием духовного комфорта его членов, не связанных со страхом и риском принятия собственных решений.

В традиционном обществе традиция выступает в форме духовного основания. Традиция проявляется в утверждении высшего авторитета предков, древних документальных источников, необходимости прецедента, отказа от нововведений и принятия нового только после многократной проверки. При этом традиция выступает своеобразным каналом связи, соединяющим живущего с умершими, потомков с предками, индивида с обществом. Традиция позволяет каждому занять определенное место в социуме, где ему будет гарантировано определенное отношение со стороны других. Традиция оказывается фактором, способствующим устойчивости положения личности в обществе, поскольку связывает его значимость с ценностью общества в целом, позволяет занять определенное место в социальных отношениях, с *гарантированными* правами и обязанностями, *оптимистически* решать важнейшие смысло-жизненные вопросы, быть *уверенным* в будущем.

Ценность традиции в инновационном обществе выступает в качестве средства, источника, служащего основанием для движения к новому качеству. Стремление преодолеть традицию становится характерной чертой данного типа цивилизации, благодаря чему мы называем присущее ему мышление критическим. Но и здесь ступенями для подъема на новый уровень выступает все та же традиция. Особенно явно это проявляется в принципе преемственности, действующем в науке, в философии, в искусстве. Традиция выступает силой, поднявшей человека над самим собой, однако, в отличие от традиционного общества, он и сам старается продвигаться и развиваться в новом направлении.

Таким образом, можно заключить, что традиция как унаследованная информация о прошлом человека и человечества выступает важнейшим ценностным основанием бытия (как личного, так и социального), реализуя связь времен и формируя историю. Однако она является хрупкой, как и само бытие, может быть легко утрачена, потеряна, забыта. Она живет в различных документах, памятниках и артефактах прошлого, в том, что мы причислили к культурному наследию. Следовательно, сохранение этого наследия играет важнейшую смысло-жизненную, духовную и практическую роль для функционирования общества как единого организма, его развития и бессмертия.

Список литературы

1. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М. : ЗАО ЭКСМО-Пресс, 2000. – с. 407.
2. *Селезнева Е. Н.* Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х гг. : дис. ... д-ра филос. наук / Е. Н. Селезнева. – М., 2004. – 228 с.
3. «*О Петербургской стратегии* сохранения культурного наследия» от 1.11.2005 г. Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга. – Режим доступа: //http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_govcontrol/proekt, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

М.И. Биалов
(Россия, г. Махачкала)

В статье дан краткий обзор деятельности научной школы «Место познавательной культуры в духовной жизни общества», функционирующей на базе Дагестанского государственного университета, и изложены ее основные результаты по философскому анализу региональной религиозной культуры с использованием методологического аппарата гносеологии. Выявлены аспекты взаимосвязи познавательной культуры и религиозного сознания как форм общественного сознания и раскрыто гносеологическое содержание философии суфизма. Показано, что исповедание суфийского ислама способствует культивированию народами Северного Кавказа и Каспийского региона определенных познавательных традиций, норм, идеалов, способов, стереотипов творческой активности людей.

Ключевые слова: *Познание, истина, традиции познания, познавательная культура, научный ум, религиозное сознание, суфизм.*

In this article is given a brief survey of the activities of the scientific school «The place of cognitive culture in the spiritual life of society» which functions on the base of the Daghestan State University; and are also stated its basic results of philosophical

analysis of the regional religious culture with the usage of the methodological apparatus of gnoseology. In the article are revealed the aspects of correlation of cognitive culture and religious consciousness as the forms of public consciousness, it is also exposed the gnoseological matter of philosophy of sufism. It is shown that the confession of the sufist islam favours the cultivation by the people of the North Caucasus and the Caspian region the certain cognitive traditions, norms, ideals, methods, stereotypes of creative activity of people.

Key words: Cognition, the truth, traditions of cognition, cognitive culture, scientific mind, religious consciousness, sufism.

Понятийный или категориальный анализ религиозной культуры, объединяющей религиозное сознание и культы, традиции и институты, теологию и общественные движения и т.п., возможен онтологическими, гносеологическими, логическими и т.п. методами и средствами философии. Чрезвычайно плодотворным представляется философское осмысление религии с точки зрения теории познания. И не только потому, что она – один из ключевых классических разделов философии, обладающий наиболее развитой категориальной сеткой. Теоретико-познавательная проблематика в сопровождении соответствующей познавательной культурой свое становление начинает еще в исторических недрах религии. Уже в позднейшем буддизме (в махаяне) и в обновленном брахманизме зафиксированы ключевые гносеологические идеи. И Библия дает об этой проблематике определенное представление – исходя из того, что современная наука выросла именно из христианской культуры, некоторые гносеологи считают возможным даже вводить в философский оборот понятие религиозной эпистемологии. В исламе же изначально стала формироваться такая научная дисциплина, как усул (методология) для выработки научных принципов обоснования положений фикха. Кроме того, формировалось учение о каламе, согласно которому споры об основных положениях веры были подчинены логике и аргументации.

В данной статье мы постараемся предложить читателю гносеологический анализ религии по ее ключевым вопросам в основном на примере актуального не только для Дагестана, но и северокавказского и Каспийского региона суфизма. Статья носит обзорный характер и предстает как обобщение проводимых в Дагестанском государственном университете в течение нескольких десятилетий исследований в рамках научной школы «Место познавательной культуры в духовной жизни общества».

Участники научной школы занимаются: проблемами теории истины; изучением сущности и содержания познавательной культуры; классификацией ее типов, видов и форм; определением соотношения культуры мышления и познавательной культуры; методологической значимостью понятий «научный ум» и «национальный ум» в интеллектуальной деятельности этносов; выявлением этнического и религиозного в содержании познавательной культуры в эпоху глобализации; уточнением влияния суфийского ислама на познавательную культуру этносов региона; выявлением роли иррационального менталитета в структуре региональных базовых ценностей гражданского общества.

В настоящее время исследования осуществляются под руководством автора этих строк 6 докторами наук, профессорами, двумя десятками кандидатов наук и доцентов, представляющих философские кафедры ДГУ и ряда вузов Дагестана, Чечни, Ставрополя и др. В научной школе более двадцати аспирантов, соискателей и студентов, преимущественно отделения философии ДГУ¹⁷.

¹⁷ Основные идеи и выводы изложены в 10 монографиях и учебниках, 8 научных сборниках, более 200 научных статьях и методических пособиях по вопросам теории познания, философии образования, культуры и религии, около 30 из которых вышли в рецензируемых журналах ВАК. Монографии М.И. Билалова: Истина. Знание. Убеждение. – Ростов-на-Дону, 1990; Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. – М., «Академия», 2003; Суфизм и познавательная культура. Махачкала, 2003; Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры, М.: Академия, 2008; Дагестан в культуре и цивилизации. – Махачкала, 2010. Р.И. Абакарова: Проблемы познания в суфийском мистическом опыте. – Махачкала, 2008; Р.М. Абакаровой Этнос этноса: Нравственно регулятивная роль традиция в этнокультуре. – СПб., 2003; В.Х. Акаева Ислам: Социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2004; А.М. Буттаевой Проблема возрождения ислама в современной России в условиях поликультурной среды. – Махачкала, 2009; К.Г. Гусевой Социально-философский анализ межнациональных конфликтов. – Махачкала, 2003; Межнациональные и межконфессиональные. – Махачкала, 2007; М.Г. Мустафеевой Социокультурная теория межнационального и межконфессионального общения. – Махачкала, 2007 и др.

1. Методологически значимыми гносеологическими идеями, придавшими оригинальность и принципиальную новизну проблематике научной школы, явились, в первую очередь, следующие выводы: а) Тезис о внеэпистемологическом бытии истины, при котором расширяется ее эмпирическое поле за счет бессознательного и несознательного; б) Гипотезы о невербальной, довербальной и т.п. формах истины, о бифункциональности ее критерия, уточняющие соотношения истины, знания, убеждения, веры и др. познавательных форм; в) Оригинальная концептуальная схема познания, согласно которой истина представляется как эвентуальное знание, а знание – как обретение истины.

2. Для выявления гносеологического потенциала религиозного, этнического, обыденного и т.п. сознания вводится в научный оборот понятие «познавательная культура». Впервые в науке оно нашло понятийное оформление в авторстве руководителя научной школы в выпуске энциклопедии по глобалистике (Познавательная культура // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – Москва – Санкт-Петербург – Нью-Йорк, 2006. – С. 691). Познавательная культура – часть культуры с ее многими особенностями, вполне содержательно-специфическая, не сводимая к совокупности гносеологических идей. Это не само знание, а способы его достижения, в том числе, культура мышления, плюс некая совокупность приемов, норм, идеалов и традиций. Связь познавательной культуры с другими частями культуры сложна, подчинена диалектике общего и особенного, причины и следствия.

Познавательная культура как понятие предполагает наличие в его содержании как единых методологических ценностей, так и формально-структурных повторяющихся элементов. Познавательная культура аккумулирует традиции, нормы, идеалы преимущественно обыденного, повседневного познания и, не сводясь к когнитивным аспектам познания, включает в себя отображения социальных факторов бытия общностей, благодаря чему обретает черты национальной, половозрастной, религиозной и т.п. культуры. Нам представляется методологически продуктивным подход к рассмотрению данного понятия как концепта, позволяющего отметить значимость раскрытия проблематики, связанной с познавательной культурой. При этом мы исходим из устоявшейся в современной научной литературе точки зрения, что концепты «представляют собой предельное на данный момент знание человека о том или ином предмете в отличие от понятия, отражающего и фиксирующего лишь общие и существенные признаки предмета» [4, с. 86]. И в данном случае «познавательная культура», на наш взгляд, предстает как более или менее полное конкретно-историческое представление о взаимосвязи культуры и познания, в первую очередь, как части и целого по своим содержаниям и сущностям. Разумеется, данный концепт дополняется близкими по смыслу и терминологически состоятельными словосочетаниями – такими как «культура познания», «культура мышления» «стиль мышления» и другие.

Особую содержательность познавательной культуре придает решение вопросов сформировавшейся проблематики истины, хотя специфику этой культуры определяют также и заблуждения, предрассудки, ошибки и другие негативные результаты познавательной деятельности. При этом ключевые гносеологические идеи осваиваются наукой, образованием и широким общественным сознанием в русле классической теории соответствия, однако набирают творчески значимый авторитет и детерминированные критериями истинности знания как составляющими познавательной культуры позитивистская, прагматистская, конвенционалистская, герменевтическая и иные неклассические концепции истины. Вообще, познавательная культура немыслима без «центрального ядра нашего мышления – логики», которая, в свою очередь, может быть разрушена без понятия истины и лжи [1, с. 52].

Но как концепт «познавательная культура» детерминирована и объективными обстоятельствами. Из наиболее значимых социальных факторов, придающих содержательную особенность познавательной культуре отметим, в первую очередь, этнонациональные параметры познающего субъекта. Если обратиться к русской познавательной культуре, то ее спецификация происходила как синтезирование в целостность разнородных элементов гносеологии, в попытках соединить, в первую очередь,

разные толкования главного результата познания (истины и знания) – «живознание» И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, «цельное знание» В.С. Соловьева, «цельное мировоззрение» П.А. Флоренского и др. Все эти толкования истины не уместаются в рамки той или иной концепции истины, наоборот, сочетают достоинства известных на Западе подходов к определению истины. В то же время здесь немаловажно и другое обстоятельство. Русские, будучи и европейцами, в своей познавательной культуре содержат весьма мало сходных с последними достоинств, а расходятся в главном – они далеко не рационалисты. Духовность русских – скорее в душевности, лиричности, нежели в научности. Примечательны размышления нобелевского лауреата И. Павлова о научном уме – они не в пользу русского ума – он фиксировал в последнем лишь натиск, быстроту, полет вместо усидчивости и кропотливости, непривязанность русского национального ума к фактам, его неумение высказать что-либо против общего настроения, вместо конкретности и детальности – оперирование насквозь общими положениями, вместо ясности – стремление к туманному и темному, поддакивание без понимания, вместо стремления к истине – стремление к новизне, любопытство, любование избитой истиной, вместо покорности истине – амбиции [2].

Таким образом, на специфику русского национального ума и национальной познавательной культуры накладывает свой отпечаток преимущественно идеал цельного знания. Специфика такого знания в том, что оно может быть достигнуто в сочетании чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции, и даже тогда, когда признается в постижении истины рациональное мышление, оно оказывается лишь на вторых ролях в ряду составляющих цельный опыт чувственного и нравственного опыта, эстетической перцепции и религиозного созерцания. Несмотря на это, было бы неверно считать русскую познавательную культуру не состоятельной в науке. Более того, можно согласиться с мнением, что православная интеллектуальная традиция и сегодня эффективна, поскольку «делает двойное ударение на онтологию и на живом предании, и потому не страдает той резкой разделенностью философского и социологического дискурсов, как западные дискуссии, разделенные на постмодернистскую и коммунитарную ветви» [5, с. 44]. Но не только православие оставляет свой отпечаток на интеллектуальных дискурсах. Вопрос об их зависимости от вероисповеданий – достаточно самостоятелен и к нему мы вернемся ниже. Подробное же рассмотрение взаимосвязи мировых религий с познавательной культурой человечества произведено в ряде наших работ [3].

В научной школе показано, что познавательная культура переплетена со всеми основными сторонами человеческого духа и вопрос о ее содержательных элементах сложен ввиду их многочисленности. Можно выделить блоки однотипных элементов, составляющих культуру мышления, методологическую культуру, традиции познания, стили мышления и т.п. Если рассматривать такие исторические типы познавательной культуры, как предмодернистская, модернистская и постмодернистская, то в каждом из них можно говорить о таких родах, как религиозная, этнонациональная, философская, научная, половозрастная и т.п. В качестве же их видов предстанут, соответственно, например, исламская, немецкая, софистическая, естественнонаучная, женская, детская и т.п. Их специфика детерминирована тем или иным толкованием субъекта познавательной деятельности в исторически-конкретном социуме. Все это – лишь контуры дальнейшего содержательного пополнения концепта «познавательная культура».

3. *Выявлены аспекты взаимосвязи познавательной культуры и религиозного сознания как формы общественного сознания.* а) Было показано, что познавательная культура человечества складывается и формируется в основных чертах еще в период архаической культуры как познавательный опыт человечества, зафиксированный в фольклоре, в мифологических, религиозных и иных ее компонентах, это обстоятельство накладывает отпечаток на все аспекты взаимосвязи познавательной культуры и религиозного сознания; б) Ядром познавательной культуры в ранний период истории человечества выступают традиции, которые, в свою очередь, оказываются «голосом», выражением архаической и фольклорной культуры. Важнейшей традицией познавательной культуры становится идея постижения бога, который уже в догматах моно-

теистических религий олицетворяет цель и способ социального, эстетического, этического и интеллектуального совершенствования человека; в) Познавательная культура аккумулировала такие гносеологические идеи о диалектическом характере познания, которые зафиксированы в религиозном сознании как бесконечность постижения абсолютной истины, дифференциацию познавательной деятельности на чувственный, разумный, интуитивный и т.п. этапы. Идея сложности и противоречивости познания настраивает людей на скромность в оценке своих знаний и нацеливает на постоянное их совершенствование; г) Важным элементом познавательной культуры, заимствованным из религии, оказывается идея самопознания как важнейшего этапа и цели человеке человеческого познания. Религиозное сознание содержит также теоретико-познавательную идею о синтетическом характере познания, о единстве в нем когнитивного и ценностного начал; д) Основная единица религиозного мировоззрения – вера, фиксируется в познавательной культуре как неотъемлемый этап и результат познавательного процесса, а изучение религиозной и рациональной веры позволяет уточнить содержание понятия «убеждение» и его соотношение с основным понятием теории познания – знанием. Причем единство веры и знания – основа целостности познания, слитности в нем когнитивных и ценностных начал и эта идея познавательной культуры изначально в религиозном сознании; е) Познавательная культура заимствует у религиозного сознания не только позитивные, но и негативные традиции умаления роли разума в познании, гносеологический пессимизм и агностицизм, отрыв знания от практики и т.п., которые, так или иначе, оказываются формой противостояния философии и религии, науки и религии.

4. *Раскрыто гносеологическое содержание философии суфизма.* Оригинальным и достаточно практически эффективным для анализа современной духовной жизни является методологически значимые выводы о теоретико-познавательном содержании суфизма как традиционного для северокавказских народов направления ислама. Исследователями научной школы было показано, как различные элементы познавательной культуры зафиксированы в философии такого мистического направления ислама, как суфизм, ответвление которого шло и от суннизма, и от шиизма. Исследование также убедило нас, что философия суфизма – наиболее насыщенная гносеологическими идеями ветвь мусульманского вероучения, и, пожалуй, в этом смысле не имеет себе равных во всем религиозном сознании.

О методологической эффективности гносеологии в анализе сложных духовных процессов северокавказского и российского общества свидетельствуют около десяти выполненных нами научно-исследовательских проектов. Соответствующий научный коллектив за последние 5 лет выполнил 4 научно-исследовательских проекта в форме грантов – проект «Этноконфессиональные факторы социально-экономического возрождения Дагестана» и проект «Научно-методическое обеспечение непрерывного гуманитарного образования в условиях Северо-Кавказского региона» Программы Минобразования РФ «Государственная поддержка региональной научно-технической политики высшей школы и развитие ее научного потенциала (2001–2005 гг.)», проект «Толерантность как феномен массового сознания» Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», проект РГНФ за 2006–2007 гг. «Влияние суфизма на познавательную культуру северокавказских этносов». Выполнен также хозрасчетный договор с Министерством по делам молодежи РД на тему: «Проведение мониторинговых работ исследований среди молодежи и подростков по вопросам религиозно-политического экстремизма и терроризма» (2009 г.) и еще два хозрасчетных договора с Министерством по национальной политике, информации и внешним связям (2009 г., 2010 г). Так, в проекте РГНФ 2006–2007 г. осуществлено философское осмысление роли суфийской познавательной культуры как стратегии социального поведения мусульманских народов. В ходе проделанной работы были получены выводы.

1. Суфизм формируется на базе мощного философского наследия человеческого духа, в том числе и познавательной культуры, которая вложила в него основные гносеологические идеи, как общие для всей религии, так и ставшие зачатками специфици-

чески-суфийских идей. Панентеизм суфизма накладывает свой отпечаток на его концепцию познания, объектом которого оказывается Бог – единственная реальность, материальный и иной мир – его отблеск. Причем если религиозное сознание в целом признает непостижимость бога, то суфизм в своих радикальных формах допускает слияние субъекта с объектом и подобным образом постижение его в собственной сути суфия.

2. Среди гносеологических особенностей суфизма, продуцированных его саморазвитием и способных повлиять на познавательную культуру, важнейшей является любовь к Богу, выступающая как основное средство постижения истины. Вспомогательными средствами познания истины в суфизме предстают аскетический образ жизни, молитвы, религиозные ритуалы, зикр, мистический экстаз и т.п. Четко разграниченного и понятийного оформленного толкования стадий, ступеней, уровней познания в суфизме нет. Таковыми рассматриваются и шариат, и тарикат, и хакикат; утверждаются в качестве ступеней познания и различные формы уверенностей; своеобразными ступенями познания могут рассматриваться и предварительная интеллектуальная подготовка к тарикату, которая имеет пять стадий. Требуют детального изучения в качестве ступеней или уровней познания и многочисленные стоянки тариката.

3. Исповедание суфийского ислама способствует культивированию на разных уровнях общественного сознания определенных познавательных традиций, норм, идеалов, способов, стереотипов и предрассудков творческой активности людей. В суфизме есть откровенно агностические оттенки и моменты, связанные с иррационализмом и мистицизмом, хотя суфизм и не формирует самостоятельную и самодостаточную для философской традиции линию агностицизма. Основным средством мистификации и иррационализации познания в суфизме служит интуиция.

4. Суфизм закрепляет и развивает в познавательной культуре традицию на онтологизацию истины, что способствует формированию антиисторического и догматического типа мышления, который находится в противоречии с позитивной ориентацией суфизма на бесконечность познавательного процесса. Последний представляется в мистическом исламе как сложный и многоэтапный путь, детализированный в трудах его основателей и адептов по методам, способам и приемам, интеллектуальным операциям и процедурам. Для эффективизации познания суфии оттачивают традиции молчания, многосмысленности, аллегории, метафоры и т.п., которые на уровне обыденного сознания людей проявляются как лицемерие, афористичность, категоричность суждений и т.п.

5. Противоречив и вклад суфизма в познавательную культуру по вопросу о субъекте познания. Индивидуальный, одномерный, асоциальный субъект в суфийской концепции в то же время проявляет и творческую активность, мощь, неестественным финалом которых оказывается его элиминация из процесса познания. Суфизм культивирует созерцательный характер познания, который связан с отрывом познания от практики, проповедью отшельничества, социальной замкнутостью, уменьшением роли науки в жизни общества и т.п.

Выводы, которые были сделаны участниками проекта, открывают ряд теоретических и общественно-практических возможностей в деятельности философов, социологов, представителей властных структур и общественных объединений. Исследования и теоретические выводы участников научной школы имеют выход в практическую общественно-политическую, культурную, образовательную сферы. Автор этих строк участвовал в написании двух учебных пособий (Обществознание : пособие для школьников и абитуриентов (в соавторстве). – М., 2004; Обществознание / под общ. ред. проф. М.И. Абдуллаева (в соавторстве). – СПб., 2004). Р.М. Абакарова написала также учебное пособие (Культурология. – Махачкала, 2008). Руководитель и члены научной школы – участники нескольких десятков и организаторы ряда региональных, всесоюзных, российских и международных научных конференций, а также участники российских и всемирных философских конгрессов. М. Билалов член оргкомитетов ряда конференций и II, III, IV, V Российских философских конгрессов, редколлегий нескольких научных сборников и периодических журналов, председатель Дагестанского отделения и член Президиума РФО, член Координационного

центра при Президенте РД по проблемам формирования гражданского общества, член Совета по науке Министерства образования и науки РД. В рамках научной школы за последние 5 лет защищено 12 кандидатских и 2 докторские диссертации, работает республиканский молодежный философско-интеллектуальный клуб «Эпохе», в уставе которого учтен опыт работы философского клуба АГУ, проведена всероссийская научно-практическая конференция: «Этнонациональные ценности в условиях глобализации» (2008 г.). В 2005 г. научная школа получила основательную базу, когда в ДГУ открылось и успешно работает первое в республиках Северного Кавказа отделение философии, где сегодня обучается более 130 студентов.

Список литературы

1. *Никифоров А. Л.* Понятие истины в теории познания / А. Л. Никифоров // Эпистемология & философия науки. – 2008. – № 2. – Т. XVI. – С. 52.
2. *Павлов И. П.* О русском уме / И. П. Павлов // Литературная газета. – 1991. – № 30.
3. *Билалов М. И.* Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания / М. И. Билалов. – М. : Academia, 2003. – 128 с.; Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры / М. И. Билалов. – М. : Academia, 2008. – 144 с.
4. *Чесноков П. В.* Концепт и текстема / П. В. Чесноков // Наука о языке и Человек в науке : сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. – Таганрог, 2010. – Т. I. – С. 286.
5. *Штекль К.* Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна / К. Штекль // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 44.

**ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (на примере Астраханского края)**

Е.В. Хлыщева
(Россия, г. Астрахань)

Специфика заселения Астраханского края предопределила складывание поликультурного общества. Взаимопроникновение культур наблюдается в астраханской жизни повсеместно. Это отразилось на культурном развитии региона и привело к формированию уникального культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, поликультурный регион, культурный ландшафт, взаимопроникновение культур.

Specificity of settling of the Astrakhan region predetermined folding of a polycultural society. Interosculation of cultures is observed in the Astrakhan life everywhere. It was reflected in cultural development of region and led to appear the unique cultural heritage.

Key words: cultural heritage, polycultural region, cultural landscape, Interosculation of cultures.

Астраханский регион выделяется среди всех российских регионов своим особенно пестрым этническим составом, изначальным отсутствием аборигенного населения и постоянными миграционными потоками. Это открытый социум, вбирающий в себя инородные элементы, сохраняя при этом их этнокультурную специфику. Нижневолжский регион можно даже условно назвать некоей «эталонной моделью» в данный момент представляющей собой образец мирного сосуществования множества культур.

Важнейшими условиями, определившими специфику культурного развития края, были: 1) Особое географическое положение – «Врата Евразии», где сходились водные и сухопутные торговые пути, пересекались политические интересы и культуры народов Запада, Востока, Севера и Юга; 2) Степной ландшафт и близость реки Волги, способствовавшие развитию кочевого скотоводства и рыболовства. Кочевые племена (сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, татаро-монголы) сменяли друг друга, частично оседая на астраханской земле, ассимилируясь и аккумулируя различные этнокультурные традиции; 3) Статус приграничного региона, отдаленность от Центра, обуславливающие относительную самостоятельность развития и привлекающие «беглый люд» не только со всей Руси, но и за ее пределами; 4) Поликонфессиональность как результат многовековых перемещений народов. Здесь исторически сложились три мировые религии и иудаизм; 5) Полиэтничность, предопределенная особенностями засе-